

RU

Ресайклинг советских речевых штампов и идеологических клише
в мемуарной прозе А. Гладилина

Андрианова М. Д.

Аннотация. В статье анализируется роль идеологических штампов в ранней прозе автора, затем - в поздней мемуарной прозе, выявляются различия в их функционировании в ранних и в поздних текстах, следовательно, подтверждается факт ресайклинга. Цель исследования - определить особенности функционирования советских речевых штампов и идеологических клише в мемуарной прозе А. Гладилина «Улица генералов». Референтивная функция советских идеологических штампов практически утрачивается по сравнению с ранними художественными текстами, зато возрастает мета-языковая функция, что позволяет автору создавать атмосферу доверия, ощущение духовной общности с читателем и в дальнейшем экстраполировать личное авторское восприятие эпохи на сознание поколения в целом. Научная новизна заключается в том, что такой сопоставительный анализ творчества А. Гладилина проводится впервые. Также впервые идеологические штампы в творчестве А. Гладилина становятся предметом специального анализа, хотя вопрос о тяготении автора к клишированным сюжетам и героям уже ставился в критике (И. Соловьева, Л. Аннинский, М. Чудакова, А. Чудаков, И. Белова, Б. Соколов). В результате показывается изменение функций советских речевых штампов и идеологических клише в прозе А. Гладилина и выявляется особый тип творческой реконструкции советского, характерный именно для ресайклинга. Ресайклинг, в свою очередь, является ключевым средством вторичной мифологизации: элементы советского мифа служат строительным материалом для конструирования нового авторского мифа об эпохе и о себе.

EN

Recycling of Soviet Hackneyed Phrases and Ideological Clichés
in A. Gladilin's Memoir Prose

Andrianova M. D.

Abstract. The paper analyses the role of ideological clichés in the author's early prose, then in his later memoir prose, identifies differences in their functioning in early and later texts, consequently, confirms the fact of recycling. The research aims to determine the features of the functioning of Soviet hackneyed phrases and ideological clichés in A. Gladilin's memoir prose "Street of the Generals". The referential function of Soviet ideological clichés is practically lost in comparison with early literary texts, but the metalanguage function increases, which allows the author to create an atmosphere of trust, a sense of spiritual unity with the reader and further extrapolate the author's personal perception of the era to the consciousness of the generation as a whole. The research is original in that it is the first to conduct such a comparative analysis of A. Gladilin's creative work. In addition, it is the first time that ideological clichés in A. Gladilin's creative work become the subject of special analysis, although the question of the author's gravitation towards clichéd plots and characters has already been raised in literary studies (I. Solovyova, L. Anninsky, M. Chudakova, A. Chudakov, I. Belova, B. Sokolov). As a result, the change in the functions of Soviet hackneyed phrases and ideological clichés in A. Gladilin's prose has been shown and a special type of creative reconstruction of the Soviet that is characteristic of recycling has been identified. Recycling in its turn is a key means of secondary mythologisation: elements of the Soviet myth serve as a building material for constructing a new author's myth about the epoch and about himself.

Введение

Актуальность темы исследования заключается в том, что Анатолий Гладилин занимает значительное место в ряду писателей-шестидесятников, являясь, по сути, родоначальником одного из ведущих жанров эпохи

оттепели – исповедальной прозы. Его тексты повлияли на мировоззрение и творчество многих его современников. Эпоха оттепели – одна из самых ярких во всем советском периоде истории страны, и не удивительно, что интерес к ней с годами не угасает, а даже растет по мере увеличения исторической дистанции. В то же время этот интерес сопряжен и с процессом мифологизации эпохи, и активную роль в этом процессе играют сами писатели-шестидесятники. Анализ художественных произведений Гладилина эпохи оттепели в сопоставлении с его постсоветским мемуарным романом «Улица генералов», посвященным тому же историческому периоду, позволяет реконструировать основные принципы и механизмы мифологизации, такие как, например, ресайклинг. Согласно мнению ведущих теоретиков культурного ресайклинга (Jameson, 1991; Dika, 2003), именно изменение функции предмета или явления (культурный разрыв) становится основным условием ресайклинга, именно поэтому так важно проследить функциональные изменения в использовании советских идеологических штампов и клише в постсоветской прозе Гладилина.

Задачами данной работы являются: 1) выявление и анализ функций идеологических штампов в ранней и в поздней прозе А. Гладилина; 2) выявление различий между ними и обоснование тезиса о том, что мы имеем дело здесь именно с ресайклингом советского; 3) интерпретация ресайклинга функционирования советских идеологических штампов и клише в русле семиотики и лингвистики.

При анализе текстов используются культурно-исторический, мифопоэтический и структурно-семиотический методы исследования.

Материалы исследования: повести «Хроника времен Виктора Подгурского», «Бригантина поднимает паруса» (Гладилин А. Т. Хроника времен Виктора Подгурского. Бригантина поднимает паруса. М.: Советский писатель, 1961), повесть «Дым в глаза» (Гладилин А. Т. Идущий впереди. М.: Молодая гвардия, 1962), повесть «Первый день нового года» (Гладилин А. Т. Первый день нового года. М.: Советский писатель, 1965), роман «История одной компании» (Гладилин А. Т. Два года до весны. М.: Советский писатель, 1975) и мемуарный роман «Улица генералов» (Гладилин А. Т. Улица генералов: попытка мемуаров. М.: Вагриус, 2008).

Теоретической базой являются труды Р. Якобсона (1975), в частности статья «Лингвистика и поэтика», где он рассматривает функции языка, Ю. М. Лотмана (2002), уделявшего внимание проблеме семиозиса, то есть означивания отдельных элементов художественного текста в процессе их функционирования в тексте, Р. Барта (2008), который говорил об изменении функционирования знаков, помещаемых в иной контекст, как о мифологизации, а также исследования в области культурного ресайклинга (Jameson, 1991; Dika, 2003; Bavidge, 2008; Jewitt, 2008). Также определенный интерес представляет работа Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова (2021), в которой анализируются мемуары шестидесятников (В. Аксенова, В. Войновича, Б. Мессерера и др.), хотя показательно, что мемуары А. Гладилина в ней даже не упоминаются. Кроме того, в теоретическую базу вошли критические работы, посвященные творчеству А. Гладилина (Соловьева, 1963; Аннинский, 1965; Чудакова, Чудаков, 1967; Белова, 1983; Соколов, 1992).

Практическая значимость данной работы заключается в том, что отдельные ее аспекты и выводы можно использовать в курсах русской литературы XX века.

Основная часть

Первая повесть А. Гладилина, «Хроника времен Виктора Подгурского», опубликованная в «Юности» в 1956 году, построена по лекалам романа воспитания. Герой на первый взгляд кажется неудачником и бездельником, он провалил экзамены в институт, не спешит устроиться на работу, страдает от неразделенной любви и ищет себя. Однако выпадение из социума, где все пути предопределены, приносит ему благо: он впервые задумывается о ценностных ориентирах, обретает способность размышлять вне предписанных трафаретов. Ничего антисоветского в повести нет, но необычным выглядело само пристальное внимание не к общественно-полезной деятельности, а к частной жизни героя. При этом автор, похоже неосознанно, отдает дань расхожим формулам советской эпохи. В репликах героев и в речи повествователя часто встречаются советские идеологические штампы («настоящий культурный отдых», «настроения масс», «с увлечением занялся общественной работой», «Позор, ребята, вы же комсомольцы!»), которые не становятся предметом рефлексии ни героя, ни повествователя. В соответствии с нормами жанра герой перевоспитывается на производстве, вписывается в коллектив и становится благопристойным нормативным советским гражданином, и потому не может не вызывать удивление мнение советской номенклатуры, что «воспитанию советской молодежи мешают происки американского империализма и книги Анатолия Гладилина» – этот отзыв как бы с гордостью цитирует сам автор в «Улице генералов» (Гладилин, 2008, с. 106).

Повесть А. Гладилина не пыталась бросить открытый вызов официальной идеологии, но воспринималась как новаторская, поскольку, в отличие от соцреалистической прозы того времени, она представляла положительным героем человека далеко не идеального, чьи личные интересы постоянно превалируют над общественными. Вместо того, чтобы думать о строительстве коммунизма и перевыполнении плана, герой все свои мысли посвящает первой любви. Таким образом, можно говорить о том, что сам выбор героя и способ его изображения шли вразрез с советским шаблоном. Повесть открыла дорогу так называемой «исповедальной прозе» и, не являясь лучшим образцом этого жанра, тем не менее обозначила новый этап в развитии литературы.

Если в первой повести А. Гладилина полемика с советским шаблоном заключается в самом выборе темы и героя, то во второй, «Бригантина поднимает паруса» (1959), она выражается в прямом стилистическом

противостоянии ему. Повествование строится на контрасте казенно-официальной мифологии и подлинной жизни. Критикуется не содержание официальной идеологии, но те формы, в которых она воплощается. Идеологический конфликт в повести имеет двойственный характер. С одной стороны, он вполне в духе соцреалистического романа: молодое поколение восстает против мещанского быта, против старых принципов жизни. Старый мир воплощает мать Люси – представительница мещанского сословия, которая думает только о бытовом комфорте и личных благах. И, согласно канонам соцреализма, классовое происхождение Люси оказывает негативное влияние, она предпочитает комфорт с нелюбимым тяжелой, но интересной трудовой жизни с любимым. С другой стороны, в повести присутствует конфликт казенного оптимизма с новой искренностью: повествователь иронизирует над штампами советской прозы, например в своем обращении к герою: «Теперь ты должен быть умницей, и, когда поезд тронется, ты, как и подобает всякому романтику или герою (я уж не говорю об идеальном), должен высунуться из вагона, расстегнуть ворот рубашки и вдыхать полной грудью степной воздух. И глаза у тебя должны гореть “вдохновенно-идейным” огнем» (Гладилин, 1961, с. 114).

Также критически переосмысливаются в повести штампы советских газет: «“Рабочие стройки, все как один, в ответ на призыв ЦК (упоминалось последнее обращение партии к труженикам сельского хозяйства) с огромным энтузиазмом, с большим подъемом, вдохновенные борьбой за оборачиваемость оборотных средств, совершают свои трудовые подвиги”. <...> Интересно посмотреть на таких рабочих. Они, если и существуют в природе, люди весьма нескромные. <...> Попробуй Вовкину бригаду вдохновить лозунгами “энтузиазм, комсомольский долг, патриотизм”! От частого повторения в зубах навязли эти слова, смысл потеряли» (Гладилин, 1961, с. 167-168).

В этом плане повесть крайне созвучна тому, как шестидесятники представляли себе обновленный жанр производственного романа (Померанцев, 1953). Плакатному фальшивому энтузиазму советских газетных статей, которые пишут те, кто ни разу не был на производстве, противопоставляется подлинный задор молодых строителей, казенному патриотизму – истинная любовь к своей стране (Большев, 2005).

Третья повесть, «Дым в глаза. Повесть о честолюбии» (1959), построена на контрасте характеров двух главных героев – плакатно-положительного Маркелова и далеко не идеального Серова. Маркелов – выходец из рабочей семьи, буквально с детства зарабатывавший на жизнь своим трудом, всего добившийся упорной работой и железной самодисциплиной. Серов же получил свои необычайные способности и добился успеха благодаря волшебству, гипнозу некоего Шагренева (отсылка к «Шагреневои коже» О. де Бальзака). Новаторство повести обусловлено, во-первых, введением элемента фантастики, во-вторых, самой интерпретацией образа Серова. Возникает ощущение, что Маркелов включен в повествование лишь для соблюдения канонов соцреализма, по-настоящему же автора интересует только Серов. Этот представитель нового поколения советских граждан далек от эталонного строителя коммунизма, зато идейно близок молодым шестидесятникам. Дух этого поколения и пытается раскрыть автор.

У Серова отсутствует чувство общности с народом, он не хочет быть послушным винтиком в социальном механизме, прожить обыкновенную жизнь. Ему хочется славы, богатства, любви красивых женщин. Но достигать этого своим трудом он не хочет и не может. Получив чудесные способности и добившись всего, о чем мечтал, герой все равно не чувствует себя счастливым, он испытывает только скуку и пресыщение. Его жизненный крах предопределен в рамках соцреалистической молодежной прозы, однако автор дает герою второй шанс после традиционного перевоспитания трудом. Чувство общности с рабочим классом теперь не пугает героя, а даже внушает определенную гордость.

При внешнем соблюдении всех канонов советской воспитательной прозы повесть оставляет впечатление внутренней полемики с этими канонами. Слишком нарочито клеймятся повествователем эгоизм и легковесность Серова, слишком плакатными выглядят рассуждения о жизни Маркелова: «Дорожить каждым днем, никогда не успокаиваться, никогда не быть довольным собой: ведь задачи наши огромны. А кто останавливается, того жизнь выбрасывает. И мы не должны во всех этих мелочах быта, в сутолоке будней, в дыму юношеского честолюбия терять главную цель нашей жизни» (Гладилин, 1962, с. 127). По меткому выражению И. Соловьевой (1963), «манера иронизирует тут над материалом, обнажает его истертость» (с. 261). Возникает ощущение, что автор еще не осмеливается оправдывать Серова, но уже заявляет о нем не как о единичном явлении в среде советской молодежи, подлежащем искоренению, а о массовом и закономерном, причины появления которого необходимо проанализировать. Стремление героя к личному счастью и при этом неготовность к ежедневному самоотверженному подвигу оказываются общей чертой поколения, отвергающего старые устои и принципы жизни.

Вообще тема разрыва между поколениями присутствует во всех ранних произведениях А. Гладиллина (1961), это выражается и в сведенной до минимума роли родителей в жизни героев, и в отсутствии взаимопонимания героев с родителями (Виктор Подгурский и его мать, Люся и ее мать), и особенно в образах безобразных старух, раз за разом появляющихся в повествовании. Например, в повести «Бригантина поднимает паруса» есть такой пассаж: «Старухи вообще вредный народ. Ведь знают, что с ними неинтересно. Как хорошо, если бы их места занимали какие-нибудь заводские ребята или девушки. Какой веселой стала бы дорога! Так нет, старухи нарочно заполнили весь вагон. <...> одна из старух совсем спятила. Нашла старый разлезшийся песенник и стала петь подряд народные, революционные, лирические песни. Пела она противным басом, перевирая мотив. <...> старуха принялась, как ни странно, поучать его диалектике или, вернее, тому, что она понимала под диалектикой» (с. 103). То есть старуха здесь воплощает недавнее, но уже внутренне мертвое прошлое, искусственный энтузиазм, не вдохновляющий молодое поколение.

В повести «Дым в глаза» создана целая галерея уродливых образов: «Старуха, усатая, бородатая, с тяжелым, заплывшим лицом, покосилась одним взглядом на меня, другим на капусту. Поковыляла. А вот маленькая

старушка. Глаза, как у игрушечного медвежонка. <...> Клюкву на Сретенке покупало низенькое сооружение с длинным, отвисшим носом и такой же длинной, отвисшей нижней губой. Почувствовала мой взгляд и, не поднимая глаз, повела носом в мою сторону. Обнюхивает» (Гладилин, 1962, с. 42). Эти старухи показаны нарочито антиэстетично: они уродливы, настырны и невыносимы. Никакой жалости и сострадания к ним у героя и у повествователя нет.

Любопытные изменения происходят в повести «Первый день нового года» (1965), где как раз связь между поколениями становится предметом рефлексии. Повесть построена как своего рода диалог между отцом и сыном, в реальности так и не состоявшийся, но длящийся в сознании каждого из героев. Отец – общественный деятель, герой Гражданской войны, судья, сумевший сохранить человечность и порядочность в страшное сталинское время. Сын – художник-авангардист, чьи работы не выставляются, запутавшийся между женой и любовницей. Казалось бы, ничего общего между ними нет и быть не может. Во внутреннем монологе отца звучат обвинительные интонации советских газет: «Самое странное – это уход от общественной жизни в свой личный, мелкий мирок. Но ведь мы же для вас терпели лишения, ведь мы же для вас строили! Ведь ради вас отдали жизнь миллионы ваших товарищей, лучшие наши товарищи!» (Гладилин, 1965, с. 56-57). Сын же выражает стремления своего поколения так: «Мы не хотим быть толпой – “все как один”, безголовой фигурой на шахматной доске большой политики. Мы не хотим быть маленькими винтиками» (Гладилин, 1965, с. 63).

Впрочем, конфликт поколений в повести снимается: сын осознает, что отец для него «всегда будет образцом, эталоном» (Гладилин, 1965, с. 60), и внутренне стремится прожить жизнь так же, как его отец, жить «не только для себя, а для людей» (Гладилин, 1965, с. 63), однако в реальности он способен повторить его судьбу только в личном – так же, как и отец в свое время, он бросает любовницу ради семьи, отказываясь от личного счастья, но ни у повествователя, ни у героев нет абсолютной уверенности в том, что это правильный выбор. В общественном же плане сын ищет «свою баррикаду», но не находит, поскольку он не может окончательно отказаться от старых идеалов, вдохновлявших поколение отцов, но и жить по ним уже не в состоянии. Отсюда ощущение нравственного тупика, которое станет особенно распространенным уже через несколько лет, в эпоху «застоя».

Не случайно большую популярность получил роман «История одной компании» (1965), в котором советские штампы в речи героя носят иронический оттенок, всерьез их уже никто не воспринимает. Основным в произведении является разочарование в идее равенства и братства – основных советских идеалах. Судьба пятерых друзей, прослеженная на протяжении полутора десятилетий, показывает, что советское равенство – очередной миф, поскольку люди изначально не равны: кто-то умнее (Чернышов), кто-то талантливее (Бутенко), кто-то красивее (Медведев), а кто-то просто изначально имеет лучшие социальные условия (Алла), и на этом фоне обычный, ничем не выдающийся человек Саша Звонков имеет шанс прожить лишь обычную среднестатистическую рабочую жизнь, которая не приносит ему радости. Миф о братстве также оказывается развенчанным, даже если оставить за скобками взаимоотношения между различными классами этого «бесклассового» общества, например рабочими и интеллигентами, то даже среди самых близких друзей уже царит предательство, а вовсе не братство. Чернышов уводит у Звонкова жену Аллу.

Герои больше не верят в идеологические штампы, но вместе с ними пропадает и вера в осмысленность своего существования. Звонкову не во что верить, не к чему стремиться, остается спиваться в компании таких же рабочих. Парадоксально, что в «государстве рабочих» именно они чувствуют себя самыми неприкаемыми и обделенными. В этом романе еще четче проявляется мировоззренческий кризис поколения, чья юность пришлась на эпоху оттепели, а зрелость – на эпоху застоя.

Итак, если в первой повести А. Гладилена функция советских идеологических клише и речевых штампов сводилась к отражению массового сознания поколения шестидесятников, воспроизведению «воздуха эпохи», общего для всех, то во второй они уже становятся предметом осмысления и даже критики, инициируя дискуссию об искренности и фальши, трудовом энтузиазме и бюрократическом гнете. Однако идти далее по этому пути автор явно не решается, поскольку следующий шаг в этом направлении подразумевал открытое противостояние советским принципам, и цензура не пропустила бы подобное произведение. Поэтому в повести «Дым в глаза» Гладилин уходит от открытого противопоставления омертвевших идеологических штампов и новой искренности. Советские лозунги и речевые штампы теперь служат для создания образа нарочито положительного героя, основная функция которого – замаскировать интерес автора к герою иного типа, живущему по новым принципам. И если в повести «Первый день одного года» мы видим попытку сближения этих разных жизненных принципов, примирения поколенческих противоречий путем использования одних и тех же речевых штампов и идеологием во внутренних монологах отца и сына, то в романе «История одной компании» окончательно ясной становится невозможность разрешения этих противоречий вследствие полного несоответствия декларируемых лозунгов реальной жизни.

Рассмотрим теперь, как происходит ресайклинг советского в поздней мемуарной прозе А. Гладилена, как трансформируется функция советских идеологических штампов и клише в «Улице генералов».

С первых же страниц советская эпоха объективируется в образе огромного серого здания, похожего на сундук, облицованного толстыми гранитными плитами. К зданию вела гранитная же лестница с постаментами, на которых возвышались металлические памятники Ленину и Сталину. Сразу же возникает ощущение мрачной суровой мощи и железной непреклонности, которыми веет от здания и от эпохи в целом.

Позиционируя свою причастность к эпохе, автор говорит о себе полуиронически-полусерьезно: «...я воспитан в советском духе и военных тайн не выдаю». Он фиксирует намертво засевшие в его сознании советские клише «болтун – находка для шпиона», «враг не дремлет» (Гладилин, 2008, с. 12), иронично называет

парижскую студию радио «Свобода» «вражеским логовом» (Гладилин, 2008, с. 12), а западных агентов влияния «вражинами», отмечая попутно их идеологическую беспечность. Говоря об американском посольстве, опять нарочито использует советские штампы: «вражеская территория», «шпионское гнездо империализма» (Гладилин, 2008, с. 49) – и тут же их дезавуирует: никто не предлагал продать план завода, приемы походили на обычные московские посиделки (Гладилин, 2008, с. 50).

В качестве основной черты своего поколения повествователь отмечает наивную веру в то, что «к сталинизму нет возврата и мы идем семимильными шагами к социализму с человеческим лицом» (Гладилин, 2008, с. 54).

Говоря о мифологизации «оттепели», А. Гладилин (2008) отмечает: «Один из мифов про шестидесятников, причем миф устоявшийся, растиражированный, заключается в том, что у нас была очень легкая юность, молодость, что мы очень много печатались, купались в славе, в деньгах и так далее, и так далее. <...> Миф о шестидесятниках рожден завистью. <...> Однако сейчас, после стольких прожитых лет, понимаешь, что эта зависть закономерна. Нам действительно исключительно повезло. Мы оказались в нужное время в нужном месте. Да, наша литературная юность в общем была счастливой. Но все это достигалось колоссальным трудом, массой нервов. Поймите, мы не печатались, мы пробивались» (с. 68).

Чтобы ярче высветить глубинные причины недовольства советской властью среди либеральной молодежи того времени, казалось бы, живущей райской жизнью по сравнению с большинством советских граждан, А. Гладилин (2008) приводит два эпизода с Мариной Влади, которая как-то спросила его: «Почему вы оба такие антисоветчики? Вы живете в таком прекрасном мире социализма и все время его критикуете! Что вам не нравится в Советском Союзе?» И завелась. Мол, вы не представляете себе, какая жуткая жизнь в мире капитализма» (с. 115). Затем, когда ее не пустили в брюках в ресторан, она была крайне возмущена: «...орала: “Как ты можешь жить в этом фашистском государстве? Фашистские законы! Фашистские запреты!” Поливала советскую власть со страшной силой. Что не помешало ей оставаться в Обществе франко-советской дружбы» (с. 117).

Говоря о решении эмигрировать, А. Гладилин использует словосочетание «проклятый Запад». Использование этого идеологического штампа подчеркивает, во-первых, что автобиографический герой вовсе не имел желания, но был буквально вынужден эмигрировать, а во-вторых, что он изначально не идеализировал жизнь на Западе и был готов к трудностям.

Итак, можно выделить следующие функции советских идеологических штампов в мемуарной прозе А. Гладилина:

1. Реконструкция черт массового сознания советской эпохи; однако это уже не непосредственная передача «воздуха эпохи», реконструкция окрашена авторской иронией и отчасти ностальгией.
2. Конструирование образа повествователя как простого советского человека, который верил пропаганде и мыслил клишированными фразами советских газет. Авторская задача здесь – показать себя неотделимым от социума. Подчеркивается именно вера в идеологические штампы и одновременно – ирония повествователя над этой наивной верой.
3. Разоблачение фальши советской пропаганды и двуличия советских функционеров как способ самооправдания, повествователь стремится показать, что он не хотел эмигрировать, но другого выхода не было.

Заключение

Как видим, функции советских идеологических клише в постсоветской прозе меняются. Таким образом, речь идет именно о ресайклинге советских речевых штампов и идеологических клише в постсоветской прозе автора. Референтивная их функция практически утрачивается по сравнению с ранними художественными текстами, зато возрастает метаязыковая функция, то есть данные речевые конструкции выполняют роль некоего общего кода между адресантом и адресатом (автором и читателем). На основе этого общего культурного кода искусственно создаются ощущение духовной общности автора и читателя, атмосфера доверия, позволяющая в дальнейшем экстраполировать личное авторское восприятие эпохи на сознание поколения в целом.

Таким образом, ресайклинг советских речевых штампов и идеологических клише в «Улице генералов» является ключевым средством вторичной мифологизации: элементы советского мифа служат строительным материалом для конструирования нового авторского мифа об эпохе и о себе.

Перспективы исследования мы видим в дальнейшем изучении мемуаров писателей-шестидесятников (В. Аксенова, Е. Евтушенко и др.) с точки зрения ресайклинга советского, что может дать интересные результаты, касающиеся интерпретации и мифологизации истории в литературе.

Финансирование | Funding

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-18-00414, проект «Советское сегодня (Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990-2010-е годы)».

The reported study was funded by the Russian Science Foundation, research project No. 19-18-00414 “Soviet Culture Today (Forms of Cultural Recycling in Russian Art and Aesthetics of the Everyday Life. The 1990s-2010s)”.

Источники | References

1. Аннинский Л. Ядро ореха. М.: Советский писатель, 1965.
2. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступит. ст. и комм. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2008.
3. Белова И. Поколение, потерявшее своих прозаиков // Синтаксис. 1983. № 11.
4. Большев А. О. Гладили́н // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь: в 3-х т. / под ред. Н. Н. Скатова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 1. А - Ж.
5. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический Проект, 2002.
6. Померанцев В. М. Об искренности в литературе // Новый мир. 1953. № 12.
7. Снигирева Т. А., Подчиненов А. В. Итоговые книги шестидесятников: характер авторефлексии и жанр // Феномен затекста / под ред. Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2021.
8. Соколов Б. Горькая исповедь // Независимая газета. 1992. 26 августа.
9. Соловьева И. Материал и прием // Новый мир. 1963. № 4.
10. Чудакова М., Чудаков А. Современная повесть и юмор // Новый мир. 1967. № 7.
11. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм за и против: сб. ст. М.: Прогресс, 1975.
12. Bavidge E. Recycling the Past // Recycling Culture(s) / ed. by S. Martin. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2008.
13. Dika V. Recycled Culture in Contemporary Art and Film. The Uses of Nostalgia. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
14. Jameson F. Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham: Duke University Press, 1991.
15. Jewitt R. Recycling 'Culture' and Culture of Recycling: The Cultural and Environmental Impact of Mobile Devices in Europe // Recycling Culture(s) / ed. by S. Martin. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2008.

Информация об авторах | Author information

Андрианова Мария Дмитриевна¹, к. филол. н.

¹ Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Andrianova Maria Dmitrievna¹, PhD

¹ Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences

¹ mouse19855@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.12.2022; опубликовано (published): 31.01.2023.

Ключевые слова (keywords): шестидесятники; ресайклинг; А. Гладили́н; советская культура; мемуарная проза; the Sixtiers; recycling; A. Gladilin; Soviet culture; memoir prose.